

С.П. Грушин¹, И.В. Мерц², В.К. Мерц², А.В. Фрибус³

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;

²Павлодарский государственный университет им. С. Торайгырова, Павлодар, Казахстан;

³Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

РИТУАЛЬНЫЙ ПРИКЛАД РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ИЗ МОГИЛЬНИКА СЕМИЯРКА-IV (Восточный Казахстан)*

Совместные исследования, проводимые на протяжении нескольких лет сотрудниками Алтайского (г. Барнаул, Россия), Павлодарского (г. Павлодар, Казахстан) и Кемеровского (г. Кемерово, Россия) государственных университетов в Восточном Казахстане, позволили зафиксировать яркие погребальные комплексы эпохи бронзы и раннего железного века. К таким памятникам относится андроновский могильник Семиярка-IV. В результате его исследования в 2016 г. получены своеобразные археологические находки. Статья посвящена публикации и анализу ритуального приклада, состоявшего из каменной ступочки-жертвенника и керамического сосуда со знаками, которые были обнаружены в погребальной ограде андроновской культуры. На основании приведенных аналогий можно утверждать, что эти изделия указывают на ситуацию, когда носители тасмолинской культуры в VII–VI вв. до н.э. переиспользовали сооружение более раннего времени для своих целей. Зафиксированная на керамическом сосуде знаковая система в виде семи секторов может отражать числовые показатели календарного значения. Последующие специальные исследования по расшифровке данной композиции позволят уточнить предложенную интерпретацию.

Ключевые слова: Восточный Казахстан, ранний железный век, тасмолинская культура, ритуальный приклад, каменный жертвенник, керамический сосуд, знаковая система.

DOI: 10.14258/tpai(2019)1(25).-08

Введение

Этнокультурные процессы в Восточном Казахстане, на границе верхнего и среднего течения Иртыша, в эпоху раннего железа во многом остаются пока слабо изученными. Сложившаяся ситуация обусловлена в первую очередь отсутствием исследованных памятников того времени, а также тем, что информация о новых находках по большей части остается недоступной широкому кругу специалистов. Введение в научный оборот новых археологических материалов является первостепенной задачей. Данная работа посвящена публикации ритуального комплекса раннего железного века, обнаруженного при исследовании андроновского могильника Семиярка-IV. Особое значение имеет контекст находок, а также знаки, нанесенные на керамический сосуд. Основной целью исследования является полная характеристика данного комплекса, определение его культурной и хронологической принадлежности, а также историко-культурная интерпретация.

Первые упоминания о курганах около станицы Семиярской относятся к 1771 г., когда этот район по поручению академика И.П. Фалька посетил Х. Барданес [Полное..., 1825, с. 20]. Археологами курганы возле поселка Семиярка впервые были обследованы в 1955 г. экспедицией Института археологии Казахской ССР под руководством А.Е. Агеевой, составившей их краткое описание. В общем реестре археологических памятников Казахстана они получили №1352 [Археологическая..., 1960, с. 102].

* Работа выполнена при частичной поддержке Государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ №33.2597.2017/ПЧ.

В 1998 г. курганы у с. Семиярка были обследованы В.К. Мерцем, который выделил среди них несколько курганных групп. В 2016 г. на одной из них, получившей название Семиярка-IV, совместной археологической экспедицией АлтГУ и ПГУ им. С. Торайгырова под руководством авторов были проведены полевые работы*.

Разновременный могильник Семиярка-IV расположен в 3,7 км к востоку от одноименного села, к югу от трассы Семиярка – Бескарагай в Бескарагайском районе Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан (рис. 1.-1, 2). Памятник включает в себя погребальные сооружения андроновского времени и раннего железного века, расположенные на обширной территории, вдающейся в пойму террасы коренного берега Иртыша. Дорога отделяет его от Семиярского городища позднего бронзового века и расположенного на его западной окраине курганного могильника [Мерц, 2006, с. 75; 2017, с. 495]. Частично площадь памятника распахана, через него проходят три линии лесопосадок (рис. 1.-3). Среди визуально фиксируемых погребальных сооружений (не менее 40) могильника Семиярка-IV присутствуют земляные курганы, круглые и квадратные каменные ограды, часть из которых сильно задернована. Большая часть курганов сосредоточена вдоль края террасы. В ее южной части расположено мусульманское кладбище (0,85 км к югу от дороги), частично их перекрывающее. Андроновские ограды, сложенные из массивных каменных блоков, тянутся от кладбища на северо-восток террасы. Полевые работы 2016–2017 гг. позволили установить, что некоторые погребения андроновского времени в глубине террасы перекрыты поселенческим слоем позднего бронзового века или содержат комплексы раннего железного века.

Материалы и методы

В работе использовались традиционные методы полевой археологии – описательный, планиграфический, стратиграфический и др. При анализе и историко-культурной интерпретации полученного материала привлекались сравнительно-типологический метод, метод датированных аналогий и др. В 2016 г., на могильнике Семиярка-IV была раскопана каменная ограда №1. До раскопок объект представлял собой сооруженную из крупных камней круглую ограду диаметром 7 м. Все камни были установлены в ров глубиной до 0,2 м. За пределами кольца (по его периметру) фиксировался вал высотой 0,1 м, шириной 0,3 м (отвал, образовавшийся при сооружении рва для установки каменных блоков ограды). В центре ограды имелась округлая западина диаметром 1,5 м, глубиной 0,2 м – результат ограбления погребения. После снятия дерна и зачистки внутри ограды, в ее северо-восточном секторе, обнаружены остатки кольца, сооруженного из мелких колотых камней, шириной до 0,5 м (рис. 1.-4, 5). В центре объекта фиксировалось темное пятно овальной формы размером 2,45×1,75 м, вытянутое по линии СВ–ЮЗ, следы повторного проникновения в могилу (рис. 1.-5). Сама овальная могильная яма размером 3,1×2,4 м была вытянута по линии З–В.

У северо-западного края грабительского лаза на глубине 0,78 м от современной поверхности был обнаружен комплекс предметов, состоящий из керамического сосуда и каменной ступки-«жертвенника» (рис. 1.-6, 7). Сосуд лежал на боку и был ориентирован устьем на север–северо-восток (40°). Вплотную к северному краю его днища примыкала уложенная широким торцом на основание каменная ступка, ориентированная по линии СВ–ЮЗ (30°). По-видимому, эти вещи находились в яме, следы которой

* Полевые исследования осуществлялись при финансовой поддержке Санкт-Петербургского государственного бюджетного учреждения культуры «Музей-институт семьи Рерихов».

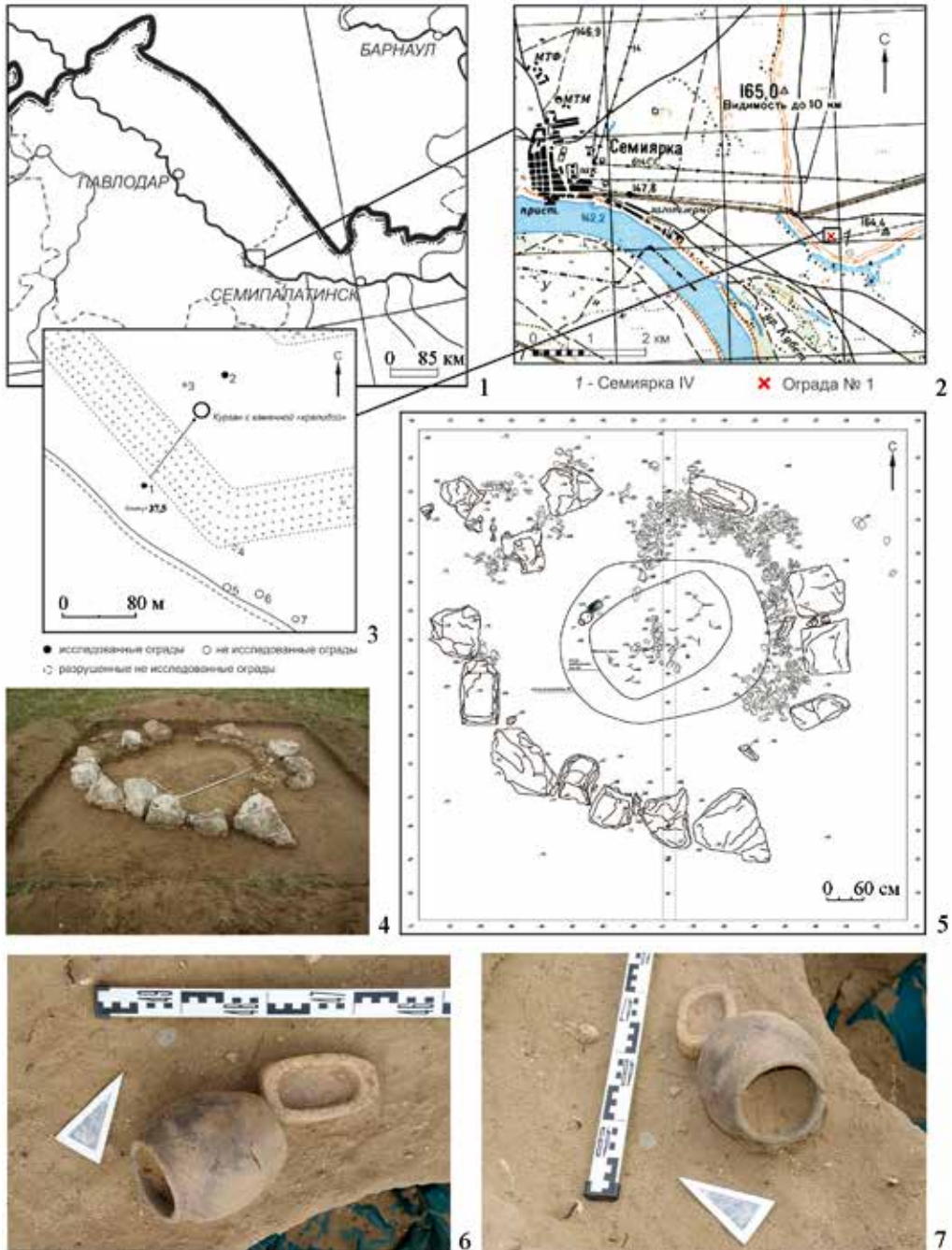

Рис. 1. Ограда №1 могильника Семиярка-IV: 1 – местонахождение на карте Восточного Казахстана; 2 – расположение памятника в окрестностях с. Семиярка; 3 – топоплан объектов в центральной части некрополя; 4 – вид на расчищенную поверхность ограды №1; 5 – план ограды №1 с расположенными в ней могилой андроновской культуры и жертвенником раннего железного века; 6–7 – комплекс предметов в жертвеннике

в песчаном грунте проследить не удалось. Поскольку грабительский лаз выделялся четким черным цветом на общем фоне раскопа, в отличие от жертвенной ямы и погребения, можно предположить, что проникновение в могилу было осуществлено уже после сооружения жертвенного комплекса.

Сосуд представляет собой плоскодонный горшок с короткой шейкой, венчик которого местами слегка выделен (рис. 2.-2). Диаметр его тулова (14,7 см) практически равен высоте (15,4 см), больше диаметра венчика (10 см) и дна (8,5 см). Объем емкости составляет 1,3 л. Внешняя и внутренняя поверхности шершавые, заглажены, имеют светло-коричневый цвет, покрыты местами черными пятнами, образованными в результате кострового обжига. Тесто сосуда плотное, с примесью песка, в изломе черное. Особенностью горшка являются знаки, нанесенные по шейке и верхней части тулова. Они выполнены способами «накалывания» и «протаскивания», для этого использовались заостренная палочка и тростинка диаметром 0,4 и 0,2 см (рис. 2.-2, 3, 5, 6).

На сосуде получили орнаментальное оформление семь секторов, заполненных различными комбинациями точек-ямочек, разделителями между которыми выступают наклонные и вертикальные прочерченные или наколотые линии (рис. 2.-3, 4). В основном (пять случаев) они представлены одинарными, редко (два случая) двойными и тройными линиями. В двух случаях двойная линия-разделитель перечеркнута тремя короткими перпендикулярными линиями, а одинарная – одной длинной.

Можно предположить, что знаки наносились на сосуд слева направо. Об этом может свидетельствовать то обстоятельство, что в одном случае правая разделительная линия была прочерчена позднее, чем точки в центре сектора, так как она перерезает одну из точек (рис. 2.-6; 3.-5). Вероятно, первый (исходный) сектор, от которого шло нанесение знаков, а следовательно, и весь счет, отмечен крестом и слабо заметной вертикальной линией, которую можно рассматривать как маркер начала композиции (рис. 3.-1). На это также косвенно указывает относительно большое расстояние от точек в центре сектора до его левой границы в виде трех вертикальных линий. Данное обстоятельство могло являться следствием того, что вертикальные линии замыкали последний сектор, и автору не удалось точно вписать его в оставшееся пространство.

Ниже приводится описание изображений на сосуде по секторам, их нумерация дана, исходя из вышеотмеченных соображений, слева направо, нумерация осуществлена с сектора, помеченного знаком в виде креста.

Первый сектор (рис. 3.-1) состоит из трех точек-ямочек, образующих треугольник, обращенный вершиной вниз. Слева от него расположен косой крест, от левого края которого опущена слегка заметная вертикальная линия. Разделителем между первым и вторым секторами выступают нанесенные вплотную к треугольнику из точек две перпендикулярные наклонные линии, перечеркнутые трижды короткими насечками (рис. 3).

Второй сектор (рис. 3.-2) состоит из трех точек, образующих равносторонний треугольник, обращенный вершиной вверх. Его отделяет от третьего сектора вертикальная линия.

Третий сектор (рис. 3.-3) маркируют пять крупных точек-ямочек, образующих ромбовидную фигуру с точкой внутри. Разделителем между третьим и четвертым секторами является наклонная линия, перечеркнутая по центру линией, левый край которой почти соприкасается с точкой – вершиной ромба в центре сектора. Все точки этой

фигуры имеют следы повторного прокалывания более маленькими тростинками, частично выступающими за пределы первоначальных точек.

Четвертый сектор (рис. 3.-4) отмечен тремя точками-ямками, образующими горизонтальный треугольник, обращенный вершиной влево, на условной гипотенузе кото-

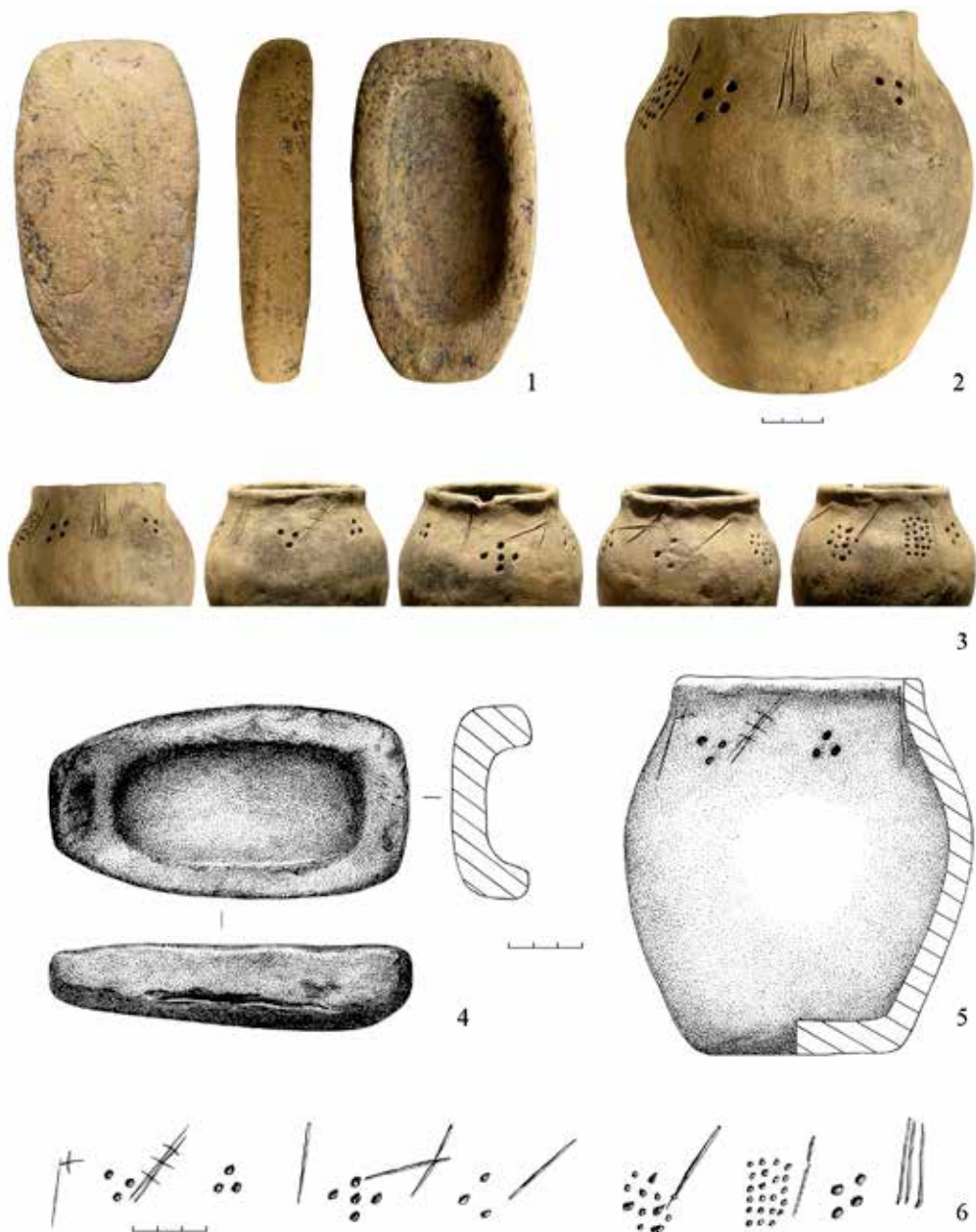

Рис. 2. Предметы из жертвенника в ограде №1 могильника Семярка-IV:
1, 4 – каменный алтарь («жертвенник»); 2, 5 – керамический горшок (общий вид);
3, 6 – изображения знаков на сосуде

рого находится сильно затертое углубление. Нечеткое изображение данного элемента позволяет допустить, что тут первоначально, вероятно, по ошибке могла быть нанесена точка-ямка, которая затем была затерта. Две верхние точки имеют следы повторного прокалывания более маленькими тростинками, выступающими частично за пределы первоначальных точек. Разделителем между четвертым и пятым секторами является наклонная линия.

Пятый сектор (рис. 3.-5) составляет композиция из девяти мелких и четырех крупных точек-ямок. Крупные точки образуют треугольник, обращенный вершиной влево, мелкие – заполняют пространство между крупными ямками. Разделителем между пятым и шестым секторами является наклонная линия, которая накладывается на одну из мелких точек.

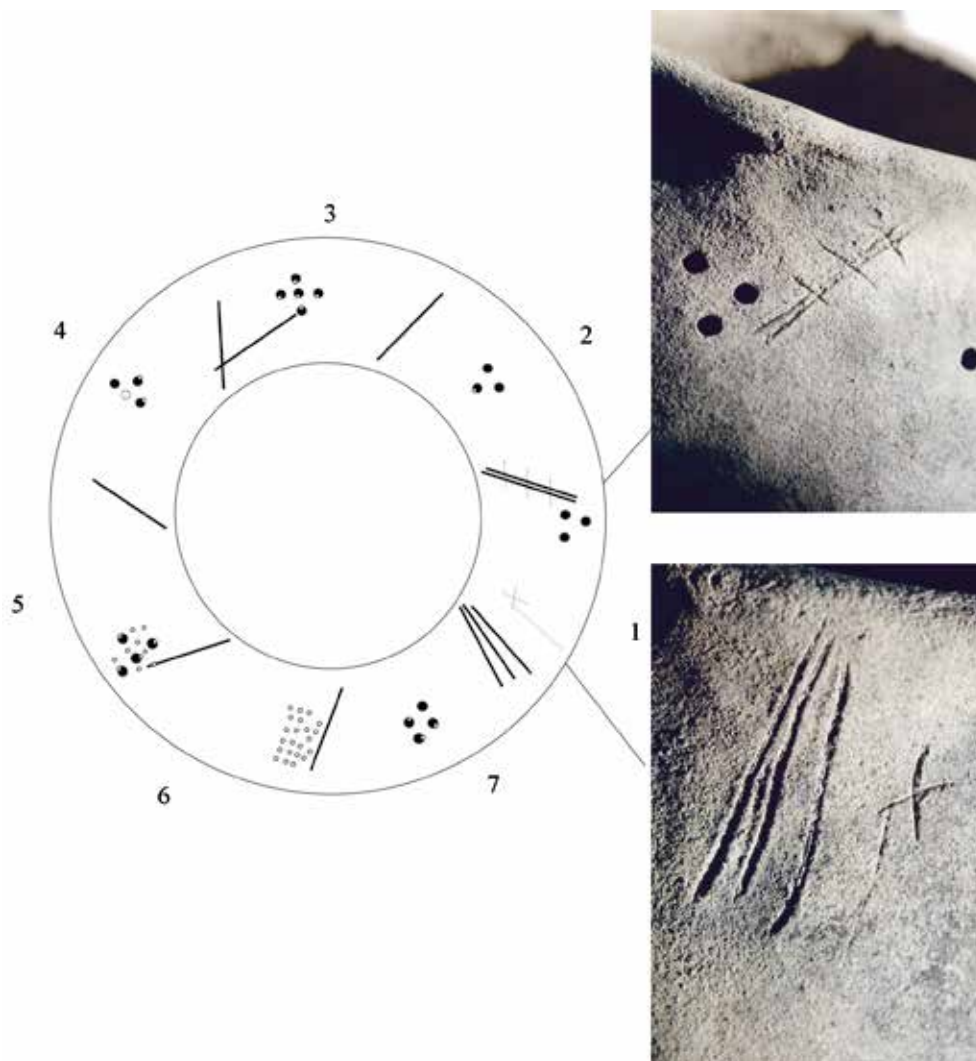

Рис. 3. Схема расположения знаков на керамическом сосуде из ограды №1 могильника Семярка-IV

Шестой сектор (рис. 3.-6) состоит из прямоугольника, выполненного из 22 небольших точек-ямочек. Они организованы в четыре вертикальных ряда, два из которых состоят из шести, и два – из пяти точек-ямочек. Разделителем между шестым и седьмым секторами является наклонная линия, близко расположенная к центральной композиции.

Седьмой сектор (рис. 3.-7) представлен косым ромбом, составленным из четырех точек. Нижние три точки фигуры прорезаны мелкими точками, образующими треугольник. Разделителем между седьмым и первым секторами является вертикальная линия, состоящая из трех параллельных линий.

Второй предмет ритуального комплекса представлен каменной ступкой – «жертвенником» (рис. 2.-1, 4). Он изготовлен из коричневого песчаника, представляет собой изделие яйцевидной формы с приплюснутыми торцами. Его общая длина составляет 14,6 см, максимальная ширина 7,5 см, высота 2,9 см. Самая широкая из торцевых сторон достигает 5,5 см, а узкая – 4 см. Нижняя поверхность (основание) предмета имеет выпуклую форму, верхняя – плоскую, при этом с узкой стороны присутствует небольшой скос, где на трапецевидной площадке расположена неглубокая выемка – 2,3×1,3×0,2 см. Внутри изделия устроена подпрямоугольная чаша размером 10×5,1 см и глубиной 2 см. Вес составляет 0,44 кг. Внешняя поверхность предмета плохо зашлифована, в результате чего на ней остались многочисленные каверны и неровности. Чаша более равномерно обработана грубым абразивом. Необходимо отметить, что если поставить жертвенник на ровную поверхность, из-за асимметрии основания он будет находиться под наклоном.

Полученные результаты и их обсуждение (анализ)

Полных аналогий рассматриваемому комплексу предметов раннего железного века, обнаруженному в ограде №1 могильника Семиярка-IV, в Прииртышье и на сопредельных территориях выявить не удалось. Между тем особенности обнаруженных артефактов позволяют найти ряд параллелей, определить их культурно-хронологическую принадлежность и сделать некоторые предположения относительно их назначения.

Каменные ступки и керамические сосуды достаточно редко встречаются совместно в погребениях раннего железного века степной зоны Евразии. Подобные случаи известны на Южном Урале в «савроматских» могилах (Новоорский-II, курган №2, погребение-2 и др.) и в Приобье, где каменные ступки-«жертвенники» встречаются совместно с глиняными курильницами или небольшими сосудиками [Мошкова, 2000, с. 211].

Важной особенностью рассматриваемого комплекса является то, что он обнаружен в более древнем погребальном объекте. Случаи, когда жертвенники раннего железного века устраивались в сооружениях эпохи бронзы, известны в материалах тасмолинской культуры Северного Казахстана. На могильниках Саргары-II и Жабай-Покровка в насыпях курганов эпохи бронзы в неглубоких ямках найдены предметы конского снаряжения [Хабдулина, 1994, с. 22]. Как правило, устройство жертвенников «тасмолинцами» осуществлялось в небольшие, разные по форме каменные ограды [Бейсенов, 2015, с. 101]. Наиболее близкими к семиярскому объекту являются сооружения на могильниках Талдысай и Акмустафа в Центральном Казахстане. На Талдысае в центре каменной ограды с насыпью диаметром 8,5–9 м находилось скопление предметов конского снаряжения [Бейсенов, 1992, с. 210]. На Акмустафе, в округлой ограде из семи камней, один из которых был «бараньим», диаметром 5,6 м, ближе к восточному сектору располагалась яма-кострище с остатками костей лошади и уз-

дечным набором. Сама ограда была удалена на 150 м от основной части могильника [Курманкулов, 1989, с. 145–146]. В связи с этим, необходимо отметить, что ограда №1 могильника Семиярка-IV расположена на удалении от основных групп погребальных сооружений ранних кочевников.

Данные параллели позволяют рассматривать каменную ограду №1 и обнаруженные предметы раннего железного века как единый жертвенный комплекс. Видимо, наличие готовой каменной конструкции, сходной с жертвенными кольцами этого времени, обусловило выбор ранними кочевниками одной из оград эпохи бронзы Семиярка-IV для реализации своих ритуальных действий. Определенным фактором, способствующим переиспользованию каменной ограды в раннем железном веке, являлось отсутствие поблизости доступных выходов камня, пригодных для строительства ритуальных объектов. Данные наблюдения и привлеченные аналогии позволяют рассматривать андроновскую ограду №1 как сооружение, переиспользованное в раннем железном веке в качестве жертвенника.

Аналогии форме керамического сосуда из ограды №1 Семиярка-IV известны в комплексах раннего железного века Лесостепного (Ближние Елбаны-VII) и Горного Алтая (Тыткескень-VI, курган №3), а также Центрального Казахстана (курганы с усами) [Фролов, 2008, рис. 87.-2; Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003, рис. 37.-3; Кадырбаев, 1966, с. 392, рис. 61]. По классификации посуды скифского времени могильника Тыткескень-VI в Горном Алтае, разработанной барнаульскими археологами, рассматриваемый сосуд относится к кухонной посуде, к горшкам I типа. У данных изделий венчик не выделен, диаметр тулова практически равен высоте и значительно больше размера устья. Исследователи отмечают, что в целом горшки в захоронениях скифского времени Горного Алтая попадаются редко [Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003, с. 92, 95].

Каменные ступки встречаются почти на всем поясе Евразийских степей [Мошкова, 2000, с. 204]. Согласно разработанной Г.К. Маргарян и А.Д. Таировым классификации каменных «жертвенников» Северного Казахстана, семиярский предмет относится к типу 6 изделий без опоры, яйцевидной формы, с бортиком. По сравнению с предметами остальных типов они менее распространены, аналогии им известны в тасмолинских памятниках Центрального Казахстана – Майкубень-2 (курган №15), Бирлик (курган №1). Артефакты подобного типа являются хронологическими индикаторами VII–VI вв. до н.э. [Маргарян, Таиров, 2017, с. 33].

В научной литературе нет однозначного понимания функционального назначения каменных ступок-«жертвенников». В историографии оно варьирует от сугубо утилитарного, например краскотерки, прибора для нанесения татуировки, до предметов ритуального характера, таких как алтари [Коноплева, 2015, с. 530–532]. В целом можно согласиться с М.Г. Мошковой, которая, проведя типологический анализ, включающий художественное оформление, совокупность всех данных о расположении в могиле, кургане сопутствующего им инвентаря, пришла к выводу об их сакрально-ритуальном назначении. Это обусловлено близкими религиозно-мифологическими представлениями населения степной зоны Евразии, в среде которого были распространены культы огня и солнца, отразившиеся в погребальной практике [Мошкова, 2000, с. 213].

Появление подобных изделий в Прииртышье, по-видимому, надо связывать с культурными влияниями сакского, в частности тасмолинского населения Казахстана

на эту территорию. В последующем эти переселения достигают Приобья, куда в середине – 2-й половине VI в. до н.э. переселяется какая-то часть сакского населения из Приаралья и Центрального Казахстана [Мошкова, 2000, с. 214]. Особый интерес в рассматриваемом комплексе представляют изображения, нанесенные в зоне под венчиком на керамическом сосуде. Они не находят полных аналогий. Отсутствие среди них многократной «повторяемости», «структурности», «ритмичности», «абстрактность» и «полная локализованность» не позволяют рассматривать их как орнамент [Цетлин, 2012, с. 168–169].

Анализ особенностей знаков на семиярском сосуде дает возможность выявить определенные закономерности в их расположении и оформлении. Основными элементами композиций в секторах являются относительно крупные точки-ямки, выполненные заостренной палочкой. Шесть секторов заполнены различными комбинациями из треугольников и ромбов, состоящих из трех-пяти крупных точек (1–5-й, 7-й секторы). Один сектор состоит исключительно из 22 мелких ямок-наколов, нанесенных тростинкой (сектор 6) и образующих фигуру в виде прямоугольника. Полностью мелкие точки отсутствуют только в первом секторе. Также необходимо обратить внимание на сектор 5, в котором сочетаются крупные ямки в виде треугольника и мелкие, которыми заполнено пространство между крупными точками. Вероятно, мелкие точки играли некую вспомогательную роль, дополняя первоначальное значение фигур из крупных знаков. Как самостоятельный элемент они выступают только в секторе 6 и полностью отсутствуют в секторе 1. Прочерченные линии, сделанные инструментом в виде заостренной палочки или насечки, нанесенные острым орудием, выполняли функцию разделения орнаментального поля сосуда на семь секторов.

Как уже было указано, знаки, зафиксированные на семиярском сосуде, не имеют прямых аналогий, однако отдельные элементы находят многочисленные параллели. Традиция украшения поверхности сосудов различными знаками известна в Приаралье, Центральном Казахстане, Алтае и Сынцзяне в эпоху поздней бронзы на бегазы-дандыбаевской и саргаринско-алексеевской посуде и других предметах, а в Восточной Европе – в срубных комплексах [Тишкин, Мерц, Фролов, 2016, с. 130; Захарова, 2000, с. 25]. Согласно разработанной Е.Ю. Захаровой классификации знаков на сосудах срубной общности, семиярские символы ближе всего стоят к типу напоминательных, соотносимых с группой знаков-сигналов. Все они различаются между собой по конфигурации, имеется два варианта их взаимного расположения: либо знак разрывает опоясывающую тулово орнаментальную композицию, либо соседствует с ней. Подобного рода одиночные (напоминательные) знаки, по мнению исследователей, выполняют одну из трех функций: являются знаками собственности (тамгами), клеймами мастеров либо магическими символами [Захарова, 2000, с. 62, 71].

Наибольшее распространение изображение различных символов получает в савроматской среде, особенно в Приуралье, где композиции из различных фигур, значков и линий чаще всего размещены на одной стороне сосуда или в его верхней части по плечикам [Смирнов, 1964, с. 122]. Такие знаки интерпретируются как пиктограммы, обосновывается их схожесть с подобным письмом.

По-видимому, рассматривать изображения на семиярском сосуде как тамги не правомерно, так как такие знаки в основном встречаются отдельно. Это, в частности, касается такого элемента, как крест, нанесенного в секторе 1. Возможно, он мог

обозначать некое небесное тело. Подобные примеры известны на сосуде из срубного погребения у п. Старопетровское в Донецкой области, где крестообразная фигура интерпретируется как звезда Сириус, а сама композиция рассматривается как древнее астрономическое наглядное пособие, отражающее уровень астрономических знаний жречества срубной культурно-исторической общности в эпоху поздней бронзы [Водолажская и др., 2015, с. 56]. Остальные знаки составлены из точек, количество которых варьируется. Фиксируемый числовой порядок орнаментальных элементов на сосуде из могильника Семярка-IV позволяет определить эти изображения именно как некие метрические знаки, обозначающие количество.

Как известно, курганы являлись сакральным пространством, с определенным внутренним структурированием, ориентацией объектов в соответствии со значимыми солнечными и лунными азимутами, опосредованно отражающими представления о строении мира и соответствующую им систему верований, ритуалов и календарно-обрядовой практики. Для памятников VII–V вв. до н.э. Центрального Казахстана характерна особая категория курганов с каменными грядами (с «усами»). Анализ расположения отдельных элементов сооружений такого типа дал основание предполагать, что они являлись простейшими астрономическими приборами, позволяющими определить день весеннего и осеннего равноденствия [Мариковский, 1977, с. 57; 1983, с. 27]*. Такие объекты на заключительной стадии могли становиться погребальными, в них хоронили лиц, связанных с ритуально-культурной сферой жизни древнего населения [Мариковский, 1977, с. 60]. На основании данных параллелей можно сделать вывод: знаковая система, зафиксированная на сосуде из ограды №1 Семярки-IV, может отражать числовые показатели календарного значения. Расшифровка знаковой системы требует отдельного исследования.

В этой связи обнаружение жертвенника в одном комплексе с сосудом, на котором, вероятно, получила отражение календарно-обрядовая символика, согласуется с позицией тех исследователей, которые относят каменные жертвенники к ритуальной сфере. Некоторые специалисты рассматривают их как социальный маркер жреческой страты [Банников, 2009, с. 174]. Очевидно, возможны и другие варианты интерпретации рассматриваемого комплекса. Не исключено, например, что он являлся «примирительной» жертвой, которую осуществили пришлые «тасмолинцы» духам местности. Отметим, что в настоящее время ни одна из предложенных трактовок не обеспечена должным объемом фактических данных, что определяет необходимость дальнейшей разработки этой темы.

Заключение

Проведенные исследования ограды №1 на могильнике Семярка-IV показали, что она была сооружена носителями андроновской культуры бронзового века, о чем свидетельствуют материалы центрального захоронения. Поскольку ограда была выполнена из крупных каменных блоков, она хорошо выделялась на поверхности, а по своим внешним параметрам была схожа с жертвенными кольцами раннего железного века. Эти факторы определили то обстоятельство, что в VII–VI вв. до н.э. носители тасмолинской культуры переиспользовали ее в качестве жертвенника, впустив в него ритуальный комплекс предметов в составе каменной ступки-«жертвенника»

* Критика подобного подхода в рассмотрении курганов с «грядами» содержится в статье А.З. Бейсенова [1998].

и керамического сосуда. В более позднее время этот объект подвергся ограблению. Дальнейшие полевые исследования позволят ответить на вопрос, с какими погребальными комплексами необходимо его связывать. Зафиксированная на керамическом сосуде знаковая система отражает числовые показатели календарного значения. Последующие специальные исследования этого аспекта позволят уточнить предложенную интерпретацию.

Библиографический список

Археологическая карта Казахстана / Ин-т истории археологии и этнографии ; сост.: К.А. Акишев (отв. ред.) и др. Алма-Ата : АН КазССР, 1960. 450 с.

Банников А.Л. Сакральные и социальные аспекты интерпретаций изображений на алтариках ранних кочевников Южного Урала // Сибирский сборник – 1. Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. Кн. I. СПб. : МАЭ РАН, 2009. С. 167–175.

Бейсенов А.З. Околокурганые жертвенники как разновидность памятников тасмолинской культуры // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. №4 (36). С. 96–104.

Бейсенов А.З. Об астрономических исследованиях на курганах с грядами (по поводу статьи Н.М. Бекбасарова «Курган с „усами“ на р. Сага: астрономическое содержание его элементов») // Вопросы археологии Казахстана. 1998. Вып. 2. С. 171–175.

Водолажская Л.Н., Усачук А.Н., Невский М.Ю. Астрономическая интерпретация знаков на сосуде эпохи бронзы (Центральный Донбасс) // Archaeoastronomy and Ancient Technologies. 2015. №3(2). С. 43–60.

Захарова Е.Ю. Сосуды со знаками срубной общности эпохи поздней бронзы. Воронеж : Изд-во ЦЧКИ, 2000. 163 с.

Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата : Наука, 1966. С. 303–433.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. 234 с.

Коноплева К.Г. История изучения каменных жертвенников ранних кочевников Евразии // Наука ЮУрГУ : материалы 67-й научной конференции. Секции социально-гуманитарных наук. Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2015. С. 527–532.

Курманкулов Ж.К. Новые материалы VIII–VII вв. из Центрального Казахстана // Маргулановские чтения. Алма-Ата : Изд-во ИИАЭ АН КазССР, 1989. С. 145–147.

Маргарян К.Г., Таиров А.Д. Каменные жертвенники Северного Казахстана // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. : Социально-гуманитарные науки. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 26–37.

Мариковский П.И. О древних астрономических сооружениях на территории Казахстана // Вестник Академии наук КазССР. 1977. Вып. 5. С. 54–61.

Мариковский П.И. К изучению астрономического значения курганов с грядами // Вестник Академии наук КазССР. 1983. Вып. 4. С. 26–31.

Мерц В.К. Археологические работы в Бескарагае // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 73–82.

Мерц В.К. Семиярское поселение бронзового века в контексте проблемы формирования протородской культуры в Верхнем Прииртышье // Мир Большого Алтая. 2017. №3 (4). С. 495–509.

Мошкова М.Г. Назначение каменных «жертвенников» и «савроматская» археологическая культура // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. М. : Изд-во ИА РАН, 2000. С. 201–215.

Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою Академией Наук, по предложению ее президента. Том седьмой. Заключающий в себе дополнительные статьи к Запискам Путешествия Академика Фалька. СПб. : Императорская Академия Наук, 1825. 233 с.

Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М. : Наука, 1964. 380 с.

Тишкин А.А., Мерц И.В., Фролов Я.В. Изделие эпохи бронзы из Родинского районного музея (Алтайский край) // Теория и практика археологических исследований. 2016. №2 (14). С. 123–136.

Фролов Я.В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н.э. – II в. н.э. (по данным грунтовых могильников). Барнаул : Азбука, 2008. 479 с.

Хабдулина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы : Ракурс, 1994. 170 с.

Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М. : ИА РАН, 2012. 384 с.

References

Arheologicheskaya karta Kazahstana [Archaeological Map of Kazakhstan] / In-t istorii arheologii i ehtnografii ; sost.: K.A. Akishev (otv. red.) i dr. [Institute of History of Archaeology and Ethnography; comp.: K.A. Akishev (Ed.) and others]. Alma-Ata : AN KazSSR, 1960. 450 p.

Bannikov A.L. Sakral'nye i social'nye aspekty interpretacij izobrazhenij na altarikah rannih kochevnikov Yuzhnogo Urala [Sacral and Social Aspects of the Interpretation of Images on the Altars of the Early Nomads of the Southern Urals]. Sibirskij sbornik – 1. Pogrebal'nyj obryad narodov Sibiri i sopredel'nyh territorij. Kn. I [Siberian Collection – 1. The Funeral Rite of the Peoples of Siberia and Adjacent Territories. Book I]. SPb. : MAEH RAN, 2009. Pp. 167–175.

Bejsenov A.Z. Okolokurgannye zhertvenniki kak raznovidnost' pamyatnikov tasmolinskoj kul'tury [Near the Mound Altars as a Kind of Tasmolinskaya Culture Site]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya [Tomsk State University Bulletin. History]. 2015. №4 (36). Pp. 96–104.

Bejsenov A.Z. Ob astronomicheskikh issledovaniyah na kurganah s gryadami (po povodu stat'i N.M. Bekbasarova «Kurgan s „usami“ na r. Saga: astronomicheskoe sodержание ego ehlementov») [About Astronomical Studies on the Mounds with Ridges (regarding the article by N.M. Bekbasarov “A Barrow with Ridges on the Saga River: Astronomical Content of Its Elements”)]. Voprosy arheologii Kazahstana [Questions of Archaeology of Kazakhstan]. 1998. Issue 2. Pp. 171–175.

Vodolazhskaya L.N., Usachuk A.N., Nevskij M.Yu. Astronomicheskaya interpretaciya znakov na sosude ehphoi bronzy (Central'nyj Donbass) [Astronomical Interpretation of Signs on the Vessel of the Bronze Age (Central Donbass)]. Archaeoastronomy and Ancient Technologies. 2015. №3(2). Pp. 43–60.

Zaharova E.Yu. Sosudy so znakami srubnoj obshchnosti ehphoi pozdnej bronzy [Vessels with Signs of the Srubna Community of the Late Bronze Age]. Voronezh : Izd-vo CCHKI, 2000. 163 p.

Kadyrbaev M.K. Pamyatniki tasmolinskoj kul'tury [The Sites of the Tasmolinskaya Culture]. Margulan A.K., Akishev K.A., Kadyrbaev M.K., Orazbaev A.M. Drevnyaya kul'tura Central'nogo Kazahstana [Ancient Culture of Central Kazakhstan]. Alma-Ata : Nauka, 1966. Pp. 303–433.

Kiryushin Yu.F., Stepanova N.F., Tishkin A.A. Skifskaya ehpora Gornogo Altaya. Ch. II: Pogrebal'no-pominal'nye komplekсы pazyrykskoj kul'tury [Scythian Era of Altai. Part II: Funeral and Memorial Complexes of the Pazyryk Culture]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2003. 234 p.

Konopleva K.G. Istoriya izucheniya kamennyh zhertvennikov rannih kochevnikov Evrazii [The History of the Study of Stone Altars of the Early Nomads of Eurasia]. Nauka YuUrGU : materialy 67-j nauchnoj konferencii. Sekcii social'no-gumanitarnyh nauk [Science SUSU: Proceedings of the 67th Scientific Conference. Section of the Social Sciences and Humanities]. CHelyabinsk : Izd-vo YuUrGU, 2015. Pp. 527–532.

Kurmankulov Zh.K. Novye materialy VIII–VII vv. iz Central'nogo Kazahstana [New Materials of the VIIIth – VIIth Centuries from Central Kazakhstan]. Margulanovskie chteniya [Margulan Readings]. Alma-Ata : Izd-vo IIAEh AN KazSSR, 1989. Pp. 145–147.

Margaryan K.G., Tairov A.D. Kamennye zhertvenniki Severnogo Kazahstana [Stone Altars of Northern Kazakhstan]. Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. : Social'no-gumanitarnye nauki [Bulletin of the South Ural State University. Ser.: Social and Human Sciences]. 2017. Vol. 17, Issue 2. Pp. 26–37.

Marikovskij P.I. O drevnih astronomicheskikh sooruzheniyah na territorii Kazahstana [About Ancient Astronomical Structures in Kazakhstan]. Vestnik Akademii nauk KazSSR [Bulletin of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR]. 1977. Issue 5. Pp. 54–61.

Marikovskij P.I. K izucheniyu astronomicheskogo znacheniya kurganov s gryadkami [To the Study of the Astronomical Significance of Mounds with Ridges]. Vestnik Akademii nauk KazSSR [Bulletin of the Kazakh SSR Academy of Sciences]. 1983. Issue 4. Pp. 26–31.

Merc V.K. Arheologicheskie raboty v Beskaragae [Archaeological Work in Beskaragai]. Altaj v sisteme metallurgicheskikh provincij bronzovogo veka [Altai in the System of Metallurgical Provinces of the Bronze Age]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2006. Pp. 73–82.

Merc V.K. Semiyarskoe poselenie bronzovogo veka v kontekste problemy formirovaniya protogorodskoj kul'tury v Verhnem Priirtysh'e [The Semiyar Settlement of the Bronze Age in the Context of the Problem of the Formation of the Proto-City Culture in the Upper Irtysh]. *Mir Bol'shogo Altaya* [World of Big Altai]. 2017. №3 (4). Pp. 495–509.

Moshkova M.G. Naznachenie kamennyh «zhertvennikov» i «savromatskaya» arheologicheskaya kul'tura [The Designation of Stone “Altars” and “Savromat” Archaeological Culture]. *Skify i sarmaty v VII–III vv. do n.eh.: paleoekologiya, antropologiya i arheologiya* [Scythians and Sarmatians in the VIIth–IIIrd Centuries BC: Paleoecology, Anthropology and Archaeology. M. : Izd-vo IA RAN, 2000. Pp. 201–215.

Polnoe sobranie uchenyh puteshestvij po Rossii, izdavaemoe Imperatorskoju Akademiej Nauk, po predlozheniyu ee prezidenta. Tom sed'moj. Zaklyuchayushchij v sebe dopolnitel'nye stat'i k Zapiskam Puteshestviya Akademika Fal'ka [The Complete Collection of Scientific Trips in Russia, Published by the Imperial Academy of Sciences, at the Suggestion of its President. Volume Seven. Containing Additional Articles to Academic Falk's Travel Notes]. SPb. : Imperatorskaya Akademiya Nauk, 1825. 233 p.

Smirnov K.F. Savromaty. Rannyya istoriya i kul'tura sarmatov [Early History and Culture of the Sarmatians]. M.: Nauka, 1964. 380 p.

Tishkin A.A., Merc I.V., Frolov Ya.V. Izdelie ehpoi bronzy iz Rodinskogo rajonnogo muzeya (Altajskij kraj) [Product of the Bronze Age from the Rodinsky District Museum (Altai Territory)]. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij* [Theory and Practice of Archaeological Research]. 2016. №2 (14). Pp. 123–136.

Frolov Ya.V. Pogrebal'nyj obryad naseleniya Barnaul'skogo Priob'ya v VI v. do n.eh. – II v. n.eh. (po dannym gruntovyh mogil'nikov) [The Funeral Ceremony of the Population of Barnaul Priobye in the VIth BC – IInd AD (according to soil burial grounds). Barnaul : Azbuka, 2008. 479 p.

Habdulina M.K. Stepnoe Priishim'e v ehpoju rannego zheleza [Steppe Priishimye in the Era of the Early Iron Age]. *Almaty : Rakurs*, 1994. 170 p.

Cetlin Yu.B. Drevnyaya keramika. Teoriya i metody istoriko-kul'turnogo podhoda [Ancient Pottery. Theory and Methods of Historical and Cultural Approach]. M. : IA RAN, 2012. 384 p.

S.P. Grushin¹, I.V. Merts², V.K. Merts², A.V. Fribus³

¹Altai State University (Barnaul, Russia);

²Pavlodar State University, Pavlodar, Kazakhstan;

³Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

EARLY IRON AGE RITUAL OBJECT FROM SEMIYARKA IV BURIAL GROUND (Eastern Khazakstan)

The joint research conducted over several years by the specialists from Altai State University (Barnaul, Russia), Pavlodar State University (Pavlodar, Kazakhstan), and Kemerovo State University (Kemerovo, Russia) in Eastern Kazakhstan allowed discovering interesting burial complexes dated to the Bronze Age and Early Iron age. Among them is the Andronovo burial mound Semiyarka-IV.

As a result of its research in 2016, unique archaeological finds were obtained. The article is devoted to the publication and analysis of a ritual object that included a miniature pounder-altar and a ceramic vessel with signs that were found in the burial of Andronovo culture. Based on the above analogies, it can be argued that these products indicate a situation when the bearers of the Tasmola culture in the VIIth – VIth centuries BC reused the construction of an earlier time for their own purposes. The seven-sector sign system fixed on a ceramic vessel can reflect numerical indices of the calendar value. Subsequent special studies on deciphering this composition will clarify the proposed interpretation.

Key words: East Kazakhstan, early Iron Age, Tasmolinskaya culture, ritual object, stone altar, ceramic vessel, sign system.